

Дни в Восточном дворце словно застыли в тягучем, неподвижном спокойствии. Линь Су, ныне носящий имя Сяо Линьцзы, крепко усвоил наставления дядюшки Чжуна и стал для окружающих лишь безмолвной тенью. Он исправно выполнял свои обязанности: растирал тушь, приводил в порядок книги, подметал полы. Делал он всё легко и удивительно быстро, однако почти не издавал лишнего шума и никогда не заговаривал первым. Он старался как можно меньше привлекать к себе внимание и без крайней необходимости не задерживался на людях.

Сяо Цзинъянь, казалось, и вовсе забыл о маленьком евнухе, которого привел во дворец в порыве сиюминутного настроения. Большую часть времени принц был погружен в свои книги или подолгу смотрел в окно, а на его лице всегда застывало выражение глубокой отчужденности и усталости. Лишь изредка, когда Линь Су опускал голову, подавая чай или перекладывая свитки, Сяо Цзинъянь поднимал взгляд, словно невзначай скользя по слишком ловким рукам юноши и его опущенному лицу, на котором невозможно было прочесть ни единой эмоции.

Под гладью этого безмолвного озера в Восточном дворце зрело тихое противостояние.

В тот день после полудня Сяо Цзинъянь, как обычно, упражнялся в каллиграфии. Солнечные лучи пробивались сквозь резные оконные переплеты, оставляя на его одежде теплые пятна, но они не могли согреть холод, затаившийся в глубине его глаз. Линь Су стоял поодаль, глядя в пол и сосредоточенно растирая тушь. Густая черная жидкость расходилась по камню ровными кругами — в этом размеренном движении чувствовались терпение и предельная концентрация.

В кабинете курился сандал, и тишину нарушали лишь шорох кисти по бумаге да легкий звук переворачиваемых страниц.

Внезапно слышались торопливые шаги. На пороге возник начальник дворцовой стражи Чжао Хуайань. Он сложил руки в приветственном жесте, и в его выражении читалась едва уловимая тревога:

— Ваше Высочество.

Сяо Цзинъянь не поднял головы, рука его по-прежнему твердо выводила иероглифы:

— Что случилось?

Чжао Хуайань бросил взгляд на стоявшего рядом Сяо Линьцзы и замялся.

— Ничего страшного, говори, — равнодушно отозвался Сяо Цзинъянь.

— Слушаюсь, — Чжао Хуайань понизил голос. — Только что пришли известия из внешних покоев. Управляющий Ли, отвечавший за уборку территории к Осеннему жертвоприношению, минувшей ночью... оступился и упал в колодец.

Рука Сяо Цзинъяня едва заметно дрогнула, и капля туши чуть не сорвалась с кончика кисти.

Он медленно отложил её и поднял взгляд на Чжао Хуайяня:

— Оступился и упал?

— На первый взгляд, это так, — голос Чжао Хуайяня стал глуше. — Но управляющий Ли отлично плавал, да и колодец находится в людном месте, где по ночам постоянно ходят караульные. И что самое странное — именно он вчера утвердил окончательный маршрут кортежа для церемонии и подал его на подпись.

Слова были излишни — подозрения и холод, веявший от этой новости, были очевидны.

Сяо Цзинъянь слегка постучал пальцами по прохладной столешнице из розового дерева. Лицо его оставалось спокойным, но в глазах забурлили темные воды. Осеннее жертвоприношение — важнейшее событие для императорской семьи, и право участвовать в его подготовке было тем немногим, чего ему удалось добиться, чтобы хоть немного проявить себя перед отцом. Если в организации кортежа возникнут хоть малейшие заминки или оплошности, те, кто только и ждет его провала, не упустят случая раздуть скандал, обвинив его в нерадивости или неуважении к предкам.

Это было явное предупреждение или, вернее, намеренная диверсия. Действовали жестоко и чисто.

— Я понял, — спустя долгое время невозмутимо произнес Сяо Цзинъянь. — Ступай. В это дело вникать не нужно.

В глазах Чжао Хуайяня мелькнуло разочарование, но он лишь поклонился:

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Уходя, он снова бросил взгляд на Линь Су, стоящего в углу, — в его глазах читались подозрение и неразрешенные сомнения.

В кабинете снова воцарилась тишина, ставшая еще более гнетущей. Сяо Цзинъянь вновь взял кисть, но долго не мог начать писать. Его взгляд был прикован к бумаге, но мысли блуждали далеко. Это знакомое чувство удушья, невидимые путы и холодная злоба, словно паутина, вновь начали опутывать его. Рядом слишком мало верных людей, а сил и того меньше. Даже осознавая опасность, он зачастую был вынужден, как сейчас, пассивно и смиренно глотать горечь поражения.

Его взгляд невольно обратился в сторону.

Маленький евнух Сяо Линьцзы все так же растирал тушь, опустив глаза. Казалось, он даже не слышал этого опасного разговора. Может, он перепугался, а может, и вовсе ничего не понял?

Взгляд Сяо Цзинъяня блеснул, и он неожиданно спросил — голос его звучал тихо, но нарушил тишину комнаты:

— Как думаешь, управляющий Ли действительно оступился?

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел подумать. Зачем он спрашивает об этом евнуха, который здесь всего пару дней и о котором ничего не известно? Одиночество, которое не с кем разделить, или же... слишком глубокое впечатление оставили те ясные, полные скрытого протеста глаза, которые он видел в тот день в коридоре?

Рука Линь Су, растиравшая тушь, внезапно замерла.

Он резко поднял голову, лицо его мгновенно побледнело, а в глазах отразились искренний испуг и растерянность. Он рухнул на колени, голос его дрожал:

— Ваше Высочество, помилуйте! Раб... раб глуп и не смеет рассуждать о таких важных делах!

Реакция была бурной — именно такой, какой ожидаешь от испуганного и польщенного вниманием маленького евнуха.

Сяо Цзинъянь посмотрел на него, дрожащего от страха, и в глубине его глаз промелькнуло разочарование, а может, и насмешка над самим собой. И правда... что это он себе напридумывал? Он махнул рукой, чувствуя упадок сил:

— Я просто спросил. Вставай.

— Благодарю... благодарю, Ваше Высочество.

Голос Линь Су все еще дрожал. Он осторожно поднялся и снова встал, опустив голову, словно этот короткий вопрос отнял у него все мужество.

В кабинете снова воцарилось молчание, слышно было лишь тиканье водяных часов. Спустя некоторое время Сяо Цзинъянь, казалось, утомился. Он потер переносицу и поднялся:

— Разбери эти документы по датам.

Он указал на стопку бумаг на краю стола и, отдав распоряжение, прошел во внутренние покои, видимо, решив немного отдохнуть.

— Слушаюсь, — покорно ответил Линь Су.

Как только фигура Сяо Цзинъяня скрылась за ширмой, Линь Су медленно поднял глаза. Испуг и робость схлынули, как прилив, оставив лишь холодное спокойствие. Он подошел к столу и принялся за работу.

Движения его были быстрыми и легкими. Он бегло просматривал даты и пометки, ловко сортируя свитки. Однако, добравшись до самых нижних, он на мгновение замер.

Это был старый архивный документ о распределении персонала на Осеннее жертвоприношение. Ничего важного, но его намеренно спрятали вниз. На конце свитка темнело неприметное бурое пятно.

Линь Су коснулся пятна кончиком пальца и поднес к носу, едва уловимо принюхавшись.

Слабый, почти неразличимый запах крови.

Это не тушь и не обычная грязь. Ему был хорошо знаком этот запах — в те темные дни, проведенные в Палате евнухов, он сопровождал его постоянно. Это была засохшая кровь. Ее пытались тщательно стереть, но в глубине волокон бумаги остались следы.

Сердце Линь Су ухнуло вниз.

Смерть управляющего Ли, внезапный вопрос принца и этот старый документ с пятнами крови, намеренно засунутый в самый низ...

В голове как молния пронеслась догадка. Это не просто предупреждение, это ловушка. Кто-то рассчитывал, что Восточный дворец заподозрит неладное и начнет тайное расследование. А этот подброшенный документ, если его случайно обнаружат и приобщат к делу, станет идеальным доказательством того, что Восточный дворец был недоволен управляющим Ли и сам устранил его.

Действовали коварно, шаг за шагом.

Дыхание Линь Су сбилось. Он быстро взглянул в сторону внутренних покоев — за ширмой было тихо.

Что делать?

Проигнорировать? Если это ловушка, то в случае разоблачения Восточный дворец окажется под ударом, а он, новый евнух с темным прошлым, станет идеальным козлом отпущения.

Предупредить? Но как? Под каким предлогом? Что может понимать в таких делах простой евнух, приставленный к уборке? Только что принц спрашивал его, и он показал себя глупым и трусливым. Если он сейчас все расскажет, то противоречие станет очевидным и вызовет лишь подозрения.

Перед ним лежал колоссальный риск. Один неверный шаг — и гибель.

Его взгляд снова упал на свиток, пальцы похолодели. Засохшая кровь словно насмехалась над ним, напоминая о повсеместных интригах и смертельной опасности, царящих в этих стенах.

Время шло, в кабинете было так тихо, что он слышал стук собственного сердца.

Наконец, взгляд Линь Су стал решительным. Он быстро взял испачканный свиток, но не стал откладывать его отдельно. Вместо этого он подмешал его к груде старых, ненужных бумаг, которые должны были отправиться в хранилище и к которым вряд ли кто-то притронется в ближайшее время, и намеренно положил его на самое дно стопки.

Закончив, он, как ни в чем не бывало, продолжил быстро и бесшумно приводить в порядок

остальные документы, аккуратно складывая их в стопки.

Едва он закончил и отступил на шаг, как из внутренних покоев вышел Сяо Цзинъянь. Его взгляд небрежно скользнул по столу — бумаги, которые были в беспорядке, теперь лежали идеально ровно.

Сяо Цзинъянь едва заметно замедлил шаг. Он сел за стол и пролистал документы — все было рассортировано точно и логично.

Он снова посмотрел на маленького евнуха, стоящего в стороне. Юноша был худощав, он склонил голову, обнажив тонкую, хрупкую шею, и выглядел покорным и безобидным.

Но...

Сяо Цзинъянь постучал пальцами по безупречно сложенным бумагам. Когда входил Чжао Хуайань, он заметил, что руки этого евнуха, растиравшего тушь, даже не дрогнули. Когда он задал свой неожиданный вопрос, тот испуганно рухнул на колени, но сейчас, глядя на скорость и логику, с которой тот разобрал бумаги, трудно было поверить, что этот человек действительно так глуп.

А еще... тот день в коридоре, когда он так быстро спрятал сухой лист...

Подозрения, как мелкие пузырьки, всплывали на поверхность.

Сяо Цзинъянь помолчал, а затем неожиданно поманил Линь Су к себе:

— Подойди.

Линь Су почувствовал, как сжалось сердце. Он послушно сделал несколько шагов и снова опустился на колени:

— Что прикажете, Ваше Высочество? — голос его все еще слегка дрожал.

Сяо Цзинъянь не разрешил ему подняться, а взял с подставки для кистей одну — из фиолетового бамбука — и протянул ему:

— Моя кисть стала писать хуже. Посмотри, в чем причина.

Это не входило в обязанности евнуха. Для ухода за письменными принадлежностями были другие люди.

Линь Су, стоя на коленях, принял кисть обеими руками. Древко было теплым и гладким — это был лучший фиолетовый бамбук. Опустив глаза, он внимательно осмотрел ворс, его движения были осторожными и сосредоточенными. Через мгновение он тихо ответил:

— Докладываю Вашему Высочеству, кажется, у основания ворса скопилась засохшая тушь. Нужно аккуратно размочить ее в чистой воде, нельзя тянуть с силой, иначе можно повредить кончик.

Ответ был четким, логичным и попадал в самую суть. Он вовсе не был профаном.

Сяо Цзинъянь смотрел на его опущенную голову, взгляд его был глубоким:

— Ты и в этом разбираешься?

Тело Линь Су, казалось, напряглось, он склонился еще ниже, а в голосе послышался страх:

— Раб... когда работал в отделе уборки, видел, как старшие евнухи ухаживали за принадлежностями, слышал пару слов. Не смею сказать, что разбираюсь, просто предположил. Прошу Ваше Высочество о милосердии!

Снова та же песня. Слышал пару слов? Вряд ли только пару.

Сяо Цзинъянь не стал допытываться. Он забрал кисть и небрежно положил ее на стол, словно это был праздный вопрос. Он махнул рукой, и в его голосе невозможно было уловить ни гнева, ни удовольствия:

— Вставай. Ступай отдохни, здесь ты больше не нужен.

— Благодарю за милость, Ваше Высочество.

Линь Су поклонился и, сохраняя согбенную позу, попятился к выходу.

Только оказавшись за дверью, на холодном каменном полу коридора, под порывами осеннего ветра он осознал, что его спина под одеждой насквозь промокла от холодного пота.

Наследный принц заподозрил неладное.

Только что он устроил ему очередную проверку. Чистка кисти — дело пустяковое, но оно требовало внимательности и зоркого глаза, а также позволяло понять, был ли человек хоть немного обучен и умеет ли сохранять спокойствие.

Неизвестно, прошел ли он эту проверку или лишь укрепил подозрения принца.

Линь Су поднял голову, глядя на величественные, но холодные карнизы дворца. Небо было ярко-синим, но казалось огромной клеткой. Здесь каждое движение, каждый взгляд и каждое слово могли таить в себе западню.

А этот, казалось бы, мягкий и отстраненный наследный принц был куда проницательнее, чем могло показаться на первый взгляд.

Он крепко сжал пальцы в рукавах, кончики их были ледяными.

Выживание оказалось куда более сложной задачей, чем он предполагал.

Тем временем Сяо Цзинъянь, сидя в кабинете в одиночестве, машинально поглаживал ту

самую кисть.

Он смотрел вслед уходящему Сяо Линьцзы, его взгляд был задумчивым.

Этот маленький евнух...

Он действительно так труслив и глуп, или... он слишком хорошо умеет прятаться?

Тихое болото Восточного дворца, казалось, начало покрываться едва заметной рябью из-за появления этого случайного гостя.

И какие же подводные течения скрывались под этой рябью?

<http://bllate.org/book/21784/2252688>